

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСЧИСЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
НАРОДНОГО БОГАТСТВА И ИХ ПРИРОСТА

Глава I

ПЕРИОД, ОБЪЕМ И ПОРЯДОК ИССЛЕДОВАНИЯ

Задачей настоящего исследования является исчисление народного богатства и годового прироста его в предреволюционной России. За дату исчисления взято 1 января 1914 г., поскольку большинство статистических данных приурочивалось к началу и концу календарного года и 1913 г. был последним нормальным предреволюционным годом. Но выдержать все вычисления на эту дату целиком не удалось, ибо по некоторым элементам народного богатства оказалось возможным исчислить стоимость только на дату, несколько более позднюю, чем 1/1 1914 г.¹, или же в среднем за 1913 г. В немногих случаях исчисленная стоимость не приурочена к определенной дате, а представляет среднюю за последние 3—4 предвоенных года; однако это обстоятельство не может оказать влияния на точность результата, ибо подавляющая масса народного богатства исчислена все же на 1/1 1914 г. или около этой даты, а условность и возможная погрешность исчисления ряда элементов вследствие отсутствия или дефектности имеющегося цифрового материала с избытком покрывает возможную погрешность от несоответствия на несколько месяцев моментов, к которым относятся результаты исчисления стоимости отдельных статей народного богатства.

Гораздо важнее вопрос о том, насколько нормальным для предвоенного² времени можно считать 1913 г. и дату 1/1 1914 г. Здесь приходится подчеркнуть, что 1913 г. является не средним годом, а годом *максимального* развития довоенного народного хозяйства, годом его расцвета, если вообще можно говорить о каком-либо

¹ Так, например, стоимость некоторых основных статей военного имущества исчислена на 20 июля 1914 г., поскольку имелись опубликованные следственные материалы о материальной обеспеченности русской армии вооружением, боеприпасами и прочим снаряжением к началу империалистической войны. Наличие, а следовательно, и стоимость скота могли быть получены только на середину года и т. д.

² Термины «предвоенный» и «довоенный» везде, где особо не оговорено, означают *перед* и *до* первой мировой войны.

«расцвете» бюрократической, эксплуататорской царской России. 1913 г. явился прежде всего вторым урожайным годом, причем сбор хлебов в этом году был на 35% выше среднего за пятилетие 1906—1910. Продукция главных отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности дала в 1913 г. значительный прирост, который по таким основным производствам, как добыча железной руды, выплавка чугуна, выделка сортового железа и стали, добыча каменного угля, достиг 10% и выше по сравнению с 1912 г.

Наряду с этим в последние предвоенные годы наблюдался некоторый рост цен как сельскохозяйственных, так в особенности и промышленных: за три года — с 1910 по 1913 — промышленные цены выросли на 8,5% (см. ч. III, табл. 7), что ясно указывает на сильный подъем хозяйственной конъюнктуры перед войной. Этот подъем в России стимулировался параллельно развивавшимся повышенным циклом конъюнктуры в Зап. Европе, настолько сильным, что он вызвал бы торгово-промышленный кризис в 1914—1916 гг., если бы не разразилась мировая война¹. В период же подъема конъюнктуры абсолютно и относительно большая часть возрастающего народного дохода накапливается, обращается в материальные ценности, и таким образом достигается больший прирост материальных фондов, больший прирост народного богатства в 1913 г. и, следовательно, заметное возрастание величины последнего к 1/1 1914 г.

То обстоятельство, что 1913 г. является годом выше среднего предвоенного уровня, нужно иметь в виду при оценке результатов настоящего исчисления или же при сравнении итоговых цифр последнего с пореволюционными данными. В силу этого, наряду с исчислением народного богатства на 1/1 1914 г. и прироста его за 1913 г., были исчислены также стоимость по отдельным годам предвоенного трехлетия или пятилетия и годовой прирост большинства элементов — по отдельным статьям и в целом — в среднем за 3—4 последних предвоенных года². Но нужно иметь в виду, что и трехлетие 1911—1913 является также повышенным по сравнению с предшествующим трехлетием или пятилетием.

Второй вопрос — территория, охваченная исследованием. Прежде всего были произведены исчисления для всей б. империи, без учета

¹ Это мнение высказывалось рядом буржуазных экономистов, занимавшихся исследованием динамики мирового хозяйства и кризисов (см., например, Т у г а н - Б а р а н о в с к и й, Периодические промышленные кризисы, 1914, стр. 171; V. S. C l a r k, History of Manufactures in the United States, vol. III, N. Y., 1929, p. 12).

Исследование Института мирового хозяйства и мировой политики СССР — «Мировые экономические кризисы 1848—1935» (1937 г.), отмечая подъем в предвоенные годы и наметившееся ослабление в 1914 г., подчеркивает, что в ряде стран (Англия, США, Германия) мировая война прервала дальнейшее «нормальное» развитие цикла, которое без этого вылилось бы в ближайшее же время в кризис (указанная работа, стр. 317, 321, 322).

² К исчислению среднего годового прироста за период в несколько лет автора побуждала также невозможность вычислить в некоторых случаях прирост имущества именно за 1913 г.

Финляндии. Территория Финляндии была исключена потому, что Финляндия никогда не была связана с народным хозяйством всей остальной царской России, а лишь механически с ней соединена. Финляндия имела свое денежное обращение, свою сеть железных дорог, свое автономное управление. Население Финляндии не отбывало воинской повинности в общем порядке и было изъято из сферы действия русских законов. Даже во внешней торговле Финляндия трактовалась как внешняя страна по отношению ко всей прочей России, и торговля между этими двумя частями империи выделялась отдельно, аналогично торговле России с другими странами Европы.

К этому принципиальному основанию нужно еще добавить отсутствие статистических материалов по Финляндии в отношении большинства отраслей хозяйства. В тех случаях, когда сведения по Финляндии включались в статистические сборники по империи, они всегда давались отдельно, а поэтому очень легко могли быть исключены из общеперских итогов. Поэтому в дальнейшем изложении везде, где употребляется термин «б. империя», под последним, кроме случаев, специально оговоренных, нужно понимать территорию царской России без Финляндии.

Но наряду с размером и приростом народного богатства б. империи автор исчислил и соответствующие величины для территории СССР в границах до 1939 г. Эта задача могла быть разрешена только условно и приближенно, так как при переходе от границ б. империи к границам СССР отделялся кусок территории, составлявший до того одно целое, один народнохозяйственный организм со всей остальной частью. Исчисление стоимости имущества и размеров накопления на оставшейся части является поэтому процессом до известной степени искусственным, а результат его теоретически никогда не может быть вполне точным, даже если бы все статистические материалы имелись по детальным географическим подразделениям¹.

Для получения цифр, относящихся к территории СССР до 1939 г., в подавляющем большинстве случаев пришлось прибегать к самостоятельному погубернскому подсчету исследуемых элементов или пользоваться коэффициентами перехода от б. империи к территории СССР, исчисленными на основании детального рассмотрения отошедшей территории. Для губерний, отошедших от России частично, установлены были твердые коэффициенты (по населению) отошедших частей, принимавшиеся при исчислении тех элементов народного

¹ Бухарское и Хивинское ханства, бывшие до революции «вассальными государствами» (по официальной терминологии), формально не являлись частью б. империи, а потому цифры по ним не входили в соответствующие общеперские данные. Элементы народного богатства, рассчитанные по населению, все же включают в себя автоматически Бухару и Хиву, поскольку население последних вошло в исходное население на 1/1 1914 г. (см. ч. III, прил. 2). Отсутствие Бухары и Хивы в других каких-либо элементах не может служить препятствием для сопоставления результатов исследования с пореволюционными данными вследствие ничтожного экономического значения до революции указанной территории.

богатства, для которых имелись погубернские и пообластные данные. Равным образом был установлен твердый коэффициент (83,19%) для перевода поимперских итогов в границы СССР до 1939 г. в отношении тех немногочисленных случаев, когда отсутствовали цифры в погубернской разбивке или было нецелесообразно производить детальный расчет для какого-либо элемента вследствие его ничтожного удельного веса в общей сумме народного богатства. Способы исчисления всех этих коэффициентов и величины последних изложены отдельно (см. ч. III, прил. 3).

Для исчисления ряда статей народного богатства необходимо было предвоенное количество населения и предвоенное число крестьянских дворов. Опубликованные цифры по тому и другому элементу недостаточно надежны, нуждались в контроле и поправках. Поэтому, перед тем как начать собственно работу по исчислению народного богатства, необходимо было проделать два предварительных экскурса по установлению правильного количества населения и числа крестьянских дворов перед войной¹.

В качестве базы для исчисления народного богатства нужно было принять какой-либо основной источник, охватывающий его значительную часть, с тем, чтобы затем доисчислить остальное на основании других статистических материалов.

Таким источником в зарубежной статистике, как было показано в методологической части (см. ч. I, гл. IV), часто являются данные налоговой статистики. Но в царской России не было ни подоходного, ни поимущественного налога (кроме государственного налога с недвижимых имуществ в городах), ни достаточно широкого наследственного налога², а потому перечисленные источники, служащие обычно базой исчисления народного богатства в капиталистических странах, не могли быть использованы в отношении предреволюционной России. Вместе с тем в теоретико-методологической части указывалось также, что для исчисления народного богатства часто используются иностранными авторами материалы по страхованию имущества. После тщательного анализа имевшихся довоенных статистических материалов по страхованию имущества оказалось возможным использовать последние для исчисления народного богатства в предвоенной России, но это потребовало изучения отдельных отраслей страхования имущества и в особенности кропотливого анализа статистических материалов страховых организаций по огню, поскольку данные именно огневой страховой статистики были

¹ Результаты второй работы нами опубликованы в специальной статье: А. Л. Вайнштейн, Численность и динамика наличных крестьянских дворов в предвоенной России, журнал «Статистическое обозрение» № 7 за 1929 г.

² В 1913 г. по всей б. империи поступило пошлин с безвозмездного перехода имуществ, включая землю, всего 13 490 тыс. руб., что при коэффициенте 35 (см. ч. I, гл. IV, разд. 2) дает меньше полумиллиарда рублей стоимости имущества в стране, подлежащего вообще обложению этой пошлиной. Из этого ясно, что материалы наследственного налога не могут служить основой исчисления народного богатства предреволюционной России.

приняты в качестве одного из основных источников для настоящего исчисления¹.

Помимо застрахованного от огня имущества, охватывавшего, по подсчетам автора, почти половину народного богатства, многие другие элементы последнего, исчислявшиеся на основании иных материалов, также представляли большую сложность для исследователя либо вследствие недостатка или противоречивости цифр, либо вследствие большого удельного веса, занимаемого этими элементами в общей сумме народного богатства. Однако детали исчисления, изложение всего пути нахождения результативных цифр, испробованных методов, обоснования всех поправок, заполнения пробелов, перечисление всех многочисленных использованных статистических и литературных материалов и т. д. автор вынужден был, чтобы не загромождать основного текста, опустить. В настоящей книге приводятся только результаты исчисления, необходимые для сводных таблиц и дальнейших выводов, кратко изложены методы их получения и указаны лишь главнейшие источники и материалы.

¹ Массовые данные страховой огневой статистики вообще почему-то долго оставались вне поля зрения довоенных и советских экономических исследований. Первым обратил на них внимание и оценил их значение С. Г. Струмилин, который использовал эти данные для проверки оценки промышленных основных фондов (Проблема промышленного капитала в СССР, М.—Л., 1925, гл. I). Но С. Г. Струмилин использовал данные только акционерного страхования. Между тем, кроме 13 акционерных страховых обществ, существовали еще сотни других страховых учреждений (см. об этом в следующей главе).